

УДК 811.1/.8

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.088

СВОЙСТВА ЕСТЕСТВЕННОГО НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО МЕТАЯЗЫКА

М. А. Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону

В данной работе приведены результаты анализа конститутивных свойств естественного неспециализированного метаязыка. В ходе исследования были широко использованы ресурсы Национального корпуса русского языка, а также языковой материал из текстов художественных произведений современных русских писателей, отобранный сплошной и направленной выборки. Было установлено шесть свойств, формирующих природу метаязыка как уникального феномена речевой деятельности.

Ключевые слова: метаязык, рефлексивность, интрепретативность, синкретичность, полуфункциональность, дискурсивность, полиморфичность.

Определение конститутивных признаков метаязыка относится к числу актуальных задач современной лингвистики. Прежде чем приступить к изложению полученных результатов, научная традиция предписывает эксплицировать используемые в работе понятия. В отношении понятия метаязыка данное требование выглядит особенно целесообразным. Термин *метаязык* получил широкое распространение в дискурсе гуманитарных наук. Помимо лингвистов, им оперируют логики, семиотики, литературоведы, психологи, специалисты в области теории коммуникации. Даже в границах лингвистики термин отличается многозначностью. За менее чем столетнюю историю своего функционирования в лингвистической науке термин *метаязык*, заимствованный из трудов польских и немецких логиков, преодолел путь глубокого семантического развития и оброс множеством смыслов, актуализирующихся в разного рода научных контекстах. Мы не ставим перед собой задачу прояснить все контексты употребления термина. Остановимся только на тех из них, которые будут способствовать объяснению понимания метаязыка в данной статье.

Метаязык характеризуется нами как «естественный» феномен, что предполагает консубстанциональность языка и метаязыка. Иными словами, метаязыковые конструкции строятся с помощью единиц естественного языка. Впервые представления о метаязыке как естественном конструкте были изложены в знаменитом докладе “*Metalanguage*

© Кравченко М. А., 2024

as a Linguistic Problem”, подготовленном Р. Якобсоном в 1956 году для Американского Лингвистического общества [16]. Характеристика «естественный» вводится нами с целью разграничения с метаязыками искусственными, которые широко используются для толкования лексической семантики. Искусственные метаязыки призваны преодолеть некоторые ограничения лексического и структурного характера, накладываемые естественным языком на толкование семантики своих собственных единиц (речь, прежде всего, идет о преодолении герменевтического круга при записи значения слова и придании однозначности термам семантического описания). В прошлом веке лингвистической наукой был создан целый ряд оригинальных искусственных метаязыков и концепций записи языкового значения. Среди них следует отметить семантический язык-посредник, разработанный учеными Кембриджского лингвистического кружка, порождающую грамматику Н. Хомского, падежную грамматику Ч. Филмора, *lingua mentalis* А. Вежбицкой, модель семантического синтеза «смысл↔текст» А.К. Желковского и И.А. Мельчука (принципы организации названных семантических языков рассмотрены в [1, с. 11–55]). Искусственные метаязыки представляют собой отдельные семиотические системы, создаваемые с целью изучения и описания языков. Язык и искусственный метаязык экссубстанциональны (даже в тех случаях, когда в качестве единиц такого метаязыка используются те или иные элементы естественного языка).

Характеристику «неспециализированный» мы вносим для того, чтобы подчеркнуть «ненаучное» происхождение такого метаязыка, указать на обыденное метаязыковое сознание как на источник метаязыкового комментария. Неспециализированный метаязык противопоставляется специализированному, более известному как метаязык лингвистики, который порождается метаязыковой рефлексией профессионального ученого, «вторичной» рефлексией в терминологии А.А. Залевской [5, с. 154]. Анализ показывает, что в большинстве случаев одиночное употребление в специальной литературе термина *метаязык* соответствует значению «метаязык лингвистики», что свидетельствует о приоритетности изучения вопросов лингвистического метаязыка в языкознании второй половины XX века. Однако в начале текущего столетия акценты стали смещаться. Рядовой носитель языка начал рассматриваться как полноправный активный участник метаязыковой деятельности. Лингвисты заговорили об «узком» и «широком» понимании метаязыка. При этом лингвистическая терминология укладывалась в узкую трактовку термина, а широкая дополнительно включала в себя множество различных типов, видов и средств рефлексии над языком [12, с. 439]. Опираясь на сказанное отметим, что под естественным несспециализированным метаязыком мы понимаем способность естественного языка с помощью

системы своих «штатных» средств и приемов выполнять автореферентную функцию.

Исследованию естественного неспециализированного метаязыка посвящена обширная литература. В зарубежной лингвистике он изучался в русле так называемой *folk linguistics* [20; 19; 17], послужил импульсом для создания и развития теории метатекста [21; 22], выступал в качестве эмпирической базы в социолингвистике [18]. В отечественном языковедении многочисленные исследования естественного неспециализированного метаязыка вылились в отдельное направление, известное как теория наивной (обыденной, стихийной, народной) лингвистики. Научные основы названного направления были заложены в трудах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева [2], В. Б. Кашкина [8], И. Т. Вепревой [3], Н. Д. Голева [4], М. Р. Шумариной [13] и др. (обзор современных исследований по этой тематике представлен в [10]).

Теория обыденной лингвистики характеризуется разноаспектностью изучения материала. Метаязыковые комментарии рассматриваются в аспекте их семантики, функционального назначения и прагматической роли в тексте, участия в отражении национальной и индивидуальной картины мира. Особый интерес лингвисты проявляют к изучению особенностей использования метаязыковых конструкций в различных типах дискурса: разговорном, научном, публицистическом, художественном, политическом и др. Вместе с тем вопросы определения конститутивных признаков, свойств метаязыка, не зависящих от дискурсивной и жанровой специфики привлекаемого материала, до настоящего времени оставались на периферии исследовательского внимания. Можно констатировать, что в актуальный момент формируется запрос на обобщение накопленного опыта изучения метаязыка, на синтез идей о метаязыковой деятельности носителей языка. Данный факт во многом задал предметно-целевые рамки и методологию нашего исследования. Цель работы заключается в определении свойств естественного неспециализированного метаязыка. В качестве основного метода нами применялся описательный метод, включающий приемы обобщения, систематизации и классификации. Для обеспечения точности и объективности результатов мы, руководствуясь принципами датацентризма, широко использовали ресурсы Национального корпуса русского языка. Источником сбора эмпирического материала методом сплошной и направленной выборки стали также тексты художественных произведений современных русских писателей.

В ходе исследования были установлены шесть свойств, которые, по нашему мнению, формируют природу метаязыка как уникального феномена речевой деятельности. Ниже мы их последовательно рассмотрим и охарактеризуем.

Важнейшим свойством метаязыка, определяющим его онтологический и гносеологический статус, является **рефлексивность**. Метаязык рождается в результате рефлексии сознания над языком или его отдельными компонентами. Метаязыковое сознание принято рассматривать как отдельный специфический уровень сознания, обеспечивающий осознанность и контролируемость речемыслительных операций. Так, по мнению Н. О. Золотовой, «рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка...» [7, с. 57]. Тем самым метаязыковая рефлексия играет роль психического субстрата при создании высказываний с метаязыковой семантикой. В этой связи оправданным выглядит использование термина *рефлексив* для обозначения единиц метаязыка. Названный термин был введен в научный оборот И. Т. Вепревой [3, с. 8] и получил широкое распространение по ряду причин. Во-первых, с его помощью преодолевается отсутствие изоморфизма между единицами языка и метаязыка: границы метаязыкового комментария не сводятся к слову, словосочетанию, предложению, тексту. Границы рефлексива подвижны. Во-вторых, указанный термин обладает прозрачной внутренней формой, делающей акцент на выделении в дискурсивном пространстве фрагмента метаязыкового содержания.

О первичности рефлексивности в наборе свойств естественного метаязыка косвенно говорит также тот факт, что в отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении последних тридцати лет практически вся проблематика метаязыка (в широком понимании термина) сводилась к изучению метаязыковой рефлексии и результатов её отражения в текстах разных жанров.

Объектом метаязыковой рефлексии выступают различные элементы структуры (формы) и содержания языка. Рефлексия над формой знака порождает рефлексивы, передающие информацию об акустических или графических особенностях языковой единицы: *В мое время это называли пульверизатором, а сейчас – спреем. Спрей, конечно, короче. В английском много таких словечек – маленьких, звонких, как шарик для пин-понга ...* (Е. Водолазкин «Авиатор»); *- Как же нельзя, – сказал я. – Вот она. Сейчас. – В слове «сейчас» шесть букв и два слога, которые могут быть прочитаны только по очереди* (В. Пелевин «Смотритель»).

В результате рефлексии над содержательной стороной знака образуются рефлексивы, в которых метаязыковые комментарии направлены на актуализацию транслируемых смыслов: *... в слово «жениться» взрослые всегда вкладывали особый нескромный смысл* (Ю. Поляков «Советство. Узник пятого волнореза»); *Разумеется, их непосредствен-*

ным поводом оказывались внешние (т.е. нецерковные в собственном смысле слова) обстоятельства (Е. Водолазкин «Протоиерей Александр Нечаев»).

Следующим важным свойством метаязыка является его **интерпретативность** или направленность на интерпретацию единиц естественного языка. Потенциальная интерпретируемость знака через другой знак (последовательность знаков) давно была замечена семиотиками и лингвистами. Так, основоположники американской школы семиотики Ч. С. Пирс и Ч. Моррис, принимая во внимание способность языка к самоописанию и самоинтерпретации, ввели в употребление понятие интерпретанты знака. Ч. С. Пирс утверждал, что «знак не есть знак, если только он не переводит себя в другой знак, в котором он получает более полное развитие», что «все назначение знака состоит в том, что он будет интерпретирован в другом знаке» (цит. по: [6, с. 231–232]). Данную идею уже в лингвистике отстаивал Р. Jakobson, считая, что кардинальное свойство языка состоит в «переводимости любого языкового знака в другой, более эксплицитный знак...» [15, с. 313]. В современной семиотике и лингвистике представление об интерпретанте знака связано «...с такой цепочкой знаков, которая разъясняет / интерпретирует знак <...> Таким образом, интерпретанты знака фиксируют итоги семиотической операции «знак за знак»» [11, с. 287–288]. По сути, метаязык играет роль интерпретативного механизма. Единица метаязыка не называет, не обозначает факт языка, она его категоризирует и в той или иной степени эксплицирует. Метаязыковые структуры, инкорпорированные в семантическую ткань текста, *de facto* представляют собой интерпретанты языковых единиц: ... *Пусть сами тут живут, а мне секцию в Сухуми купят, - проворчал мой друг: секциями здесь называют отдельные квартиры в новостройках* (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза»); *Насмотришься тут всякого-разного и начнешь самиздат распространять. – Самиздат? – среагировал Непомилуев на новое слово. – Запрещенные книги* (А. Варламов «Душа моя Павел»).

Факт консубстанциональности языка и метаязыка создает предпосылки для потенциальной содержательной синкретичности метаязыковых конструкций. Свойство **синкретичности** проявляется в том, что установление референциальной отнесенности высказывания далеко не всегда является тривиальной задачей. Контексты с внешней и внутренней референцией могут пересекаться. Иными словами, отдельные речевые отрезки (фрагменты текста) могут относиться как к высказываниям о мире, так и к высказываниям о языке. В качестве иллюстрации воспользуемся примером из произведения Ю. Полякова: *Под ней всегда горела лампадка – это такая висящая на цепочках синяя стеклянная*

баночка с маслом и торчащим наружу фитильком, как в керосинке (Ю. Поляков «Совдетство»). Содержательный синкретизм приведенной конструкции заключается в том, что в ней одновременно можно увидеть описание внеязыковой реалии (лампадки) и собственно интерпретанту (семантизацию) знака *лампадка*. Чего в указанном примере больше – погружения в действительность или в языковую семантику – однозначно установить сложно. Вместе с тем следует отметить, что потенциальная синкретичность метаязыковых конструкций зачастую преодолевается благодаря специальным маркерам (метаоператорам), которые сигнализируют об имеющей место внутренней референции: *Я не буду вдаваться в тонкости по поводу двух мировых правовых систем, скажу только, что в англосаксонской системе права, которая принята в США, Верховный суд является вершиной судебной пирамиды, а в романо-германской системе (это условное название), которой придерживается Россия, есть устоявшаяся система конституционного правосудия, которое поручается специальному органу, именуемому Конституционный суд* (Национальный корпус русского языка – далее НКРЯ, Основной подкорпус. С. Сухова. «Конституция и революция» // «Итоги», 2003.03.04); И, понимаешь, когда ведёшь своих семь лет, это такое ... **Не побоюсь этого слова** – счастье (Р. Сенчин «Ты меня помнишь?»). В первом примере факт внутренней референции маркируется содержанием парентетической конструкции. Во втором примере метаязыковая рефлексия, связанная с поиском подходящего слова, манифестируется с помощью вводного оборота *не побоюсь этого слова*.

Естественный неспециализированный метаязык характеризуется **полифункциональностью**. Причем данное его свойство проявляется на разных уровнях: на уровне осмысления роли метаязыка как феномена и на уровне функционирования отдельных единиц метаязыка. В первом случае речь идет о содержательной неоднородности самой метаязыковой функции, впервые выделенной Р. Якобсоном [14]. Её трактовка как ориентации сообщения на код носит обобщенный характер. Анализ употребления метаязыковых структур показывает, что, несмотря на наличие кодоцентричности как родового признака, содержание метаязыковой функции варьируется, что позволяет выделить её видовые разновидности (эпифункции).

К их числу, как минимум, относятся пояснительная, оценочная, поисковая и связующая функции. Пояснительная функция обеспечивает коммуникативную прозрачность кода: *Поскольку речь идет о духовном зрении, слово «показать» здесь следует понимать в значении «дать пережить»* (В. Пелевин «Transhumanism Inc»); *Среди навязчивых идей любимой у нее была – его помешанность на куклах, иными словами, его сумасшествие* (Д. Рубина «Синдром Петрушки»).

Оценочная функция позволяет выразить аксиологическое восприятие коммуникантами элементов кода: *Зато постепенно – мы видим это уже и сейчас – красивое слово «элита» начинает означать бульдогов под ковром, а вскоре и вовсе пауков в банке* (НКРЯ Газетный подкорпус «Чтобы сохраниться, элита должна измениться» // Ведомости, 2015.11.04); *Кстати, советую сразу забыть это ужасное слово - диета* (НКРЯ Газетный подкорпус «Настройтесь на борьбу и худейте» // Аргументы и факты, 2004.03.11).

Поисковая функция отражает усилия говорящего в процессе нетривиального выбора слова: *Взгляд у девушки был такой ... современный какой-то, как у старшеклассниц ...* (Р. Сенчин «Дождь в Париже»); *Вместе с громадной квартирой, которая Линдту откровенно докучала, появился Николаич. Именно появился – как домовый, нет, даже не появился – завелся, словно левенгуковские мыши в старых тряпках* (М. Степнова «Женщины Лазаря»).

Связующая функция нацелена на формирование метатекстовых скреп и поддержание внутритекстовой навигации: *Во-первых, пандемия обострила проблемы в целом ряде отраслей. Во-вторых, повысилась узнаваемость государственного правозащитника* (НКРЯ Газетный подкорпус. «Татьяна Москалькова: россиян больше всего волнует здоровье и жильё» // Парламентская газета, 2021.12.09); *Вся гонка организована идеально: несколько кордонов безопасности, учет всех посетителей, четкое распределение зрителей по секторам — короче говоря, легендарная сингапурская аккуратность в действии* (НКРЯ Газетный подкорпус А. Куприянов «Экзотика и порядок» // lenta.ru, 08.10.2017).

Во втором случае полифункциональность метаязыка проявляется в виде многозначности отдельных его единиц. Метаоператоры, как правило, способны выполнять несколько семантико-прагматических ролей. Так, вводная конструкция *если угодно*, выступающая как метаоператор, в зависимости от контекста может выполнять следующие функции: 1) хезитатива, свидетельствующего о трудностях (сомнениях) при подборе номинации: *Ведь «Хоббит», несмотря на эпический размах, получается у Питера Джексона гораздо более сентиментальной (или, если угодно, романтической) историей, чем был «Властелин колец»* (НКРЯ Газетный подкорпус «Меланхолия дракона» // Ведомости, 2013.12.18); 2) аппроксиматора, сигнализирующего о приблизительности, нечеткости избранной номинации: *Долгое время «Артек» был не просто работодателем, но, если угодно, таким коллективным родителем* (НКРЯ Газетный подкорпус «Жизнь – это жесткое соревнование» // lenta.ru, 11.07.2016); 3) семантизатора, эксплицирующего слова с высокой степенью агнонимичности: *Через ангрейд (перелицовку мозгов, если угодно) в новых поколениях «домашних детей»: причем, кажется мне, они стали грамотней и прагма-*

тичней, но отнюдь не стали бесчеловечны (НКРЯ Газетный подкорпус Е. Дьякова «Когда воротимся мы в Портленд. Двадцать лет без Окуджавы» // Новая газета, 07.06.2017); 4) эвфемизатора / дисфемизатора, маркирующего прагматические стратегии выбора слова: *Труд врача, как никакой другой, требует от человека призвания, таланта, полной самоотдачи и, если угодно, фанатизма* (НКРЯ Газетный подкорпус «Ошибка ценою в жизнь» // Известия, 09.08.2017) (подробнее о семантике и прагматике метаоператора *если угодно* см. в [9]).

Следующее выделяемое нами свойство метаязыка мы назовем **дискурсивностью**. Используя это понятие, мы хотим подчеркнуть, что метаязык как явление фактически не существует вне дискурса. Конечно, оправданным будет выглядеть замечание о том, что и язык в полной мере реализует свой потенциал только в дискурсе. Однако в этом отношении между языком и метаязыком имеется фундаментальное отличие. Единицы языка могут быть осмыслены и воспроизведены нами вне рамок дискурсивных практик. Они пребывают в «парадигматической реальности». Единицы метаязыка лишены данного онтологического качества. Поэтому вне дискурса метаязык «растворяется» в языке. Исключение составляет только так называемая «металексика» – слова и коллокации, созданные для обозначения самого кода. Однако удельный вес таких слов в высказываниях метаязыкового содержания сравнительно невелик. В приведенных ниже примерах обращаем внимание на тот факт, что метаязыковой статус большинства компонентов, входящих в границы рефлексива, приобретает ими исключительно в условиях дискурсивной ситуации: *В книгах любовь – это такой щит, а вернее, просто повязка на глаза. Чтобы не видеть* (М. Шишкин «Письмовник»); *Из временных указаний все чаще ему приходило на ум слово однажды. Это слово нравилось ему тем, что преодолевало проклятие временем. И утверждало единственность и неповторимость всего произошедшего – однажды* (Е. Водолазкин «Лавр»).

Наконец, шестое свойство метаязыка мы определяем как полиморфность. Его особенность заключается в том, что метаязык не выработал специальных синтаксических конструкций. В процессе воплощения в тексте рефлексивы обретают самые разнообразные структурные формы, которые практически не поддаются обоснованной типологизации. Синтаксическое пространство, занимаемое рефлексивами, значительно варьируется. Вместе с ним изменяется роль метаязыковых структур в текстообразовании. Метаязыковые комментарии могут играть роль повествовательной доминанты, достигая при этом размеров сложного синтаксического целого: ... *в словах «бомж» (без определенного места жительства) и «пиар» (Public Relations) слышится что-то французское. «Самбо» (самооборона без оружия) ассоциативно связывается*

с самбой, ПДД (правила дорожного движения) – с балетом. И даже ОСАГО (обязательное страхование автогражданской ответственности), перефразируя Северянина, – с «чем-то испанским» (Е. Водолазкин «Госкомаббревиатура»); Тихарь, понял Грым. А вот интересно, почему их называют «тихарями», если они же все время что-то говорят или орут? Правильнее было бы называть «громкарями» (В. Пелевин «S.N.U.F.F.»). Чаше рефлексивы дополняют основное повествование, реализуясь в пределах одного высказывания: В остальном же они говорили на разных языках в прямом и переносном смысле (Е. Водолазкин «Брисбен»); Но начнем с того, что я не настоящий мужчина, а совок, если выражаться сегодняшним языком, или ложкой, если прибегать к изысканному словарю супруги моей молчаливой Веры Геннадиевны (Ю. Поляков «Парижская любовь Кости Гуманкова»). Наиболее распространенными являются случаи, когда в семантическую ткань текста инкорпорируются метаязыковые оттенки, нюансы смысла, для передачи которых используются единичные метаоператоры: *Ходят слухи, что наши «талантливые» и «находчивые» режиссеры пересняли, сделали так сказать ремейк фильма* (НКРЯ Основной подкорпус «Форум: рецензии на фильм «Службный роман»»); *Он поглядел на пустое место, где висели стога, сел за свой рабочий, так называемый письменный стол, отпер ящик и вынул папку* (НКРЯ Основной подкорпус И. Грекова «На испытаниях»).

В заключение отметим, что естественный неспециализированный метаязык представляет собой сложное и многоаспектное явление. Будучи «надстройкой» естественного языка, метаязык тем не менее обладает собственным набором конститутивных признаков. В настоящей работе они называются свойствами. Главным результатом исследования стало выделение и описание шести свойств метаязыка, во многом определяющих его сущность. Анализ обширного (объемом в несколько тысяч) корпуса примеров позволил прийти к выводу о рефлексивности, интерпретативности, синкретичности, полифункциональности, дискурсивности и полиморфности метаязыка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Москва: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Москва: Индрик, 1999. С. 146–161.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

4. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 7–40.
5. Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 177 с.
6. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
7. Золотова Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 50–61.
8. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. С. 4–34.
9. Кравченко М. А. Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. № 4. С. 57–67.
10. Кравченко М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 773–779.
11. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–291.
12. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. Москва: Academia, 2005. 640 с.
13. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. Москва: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. С. 193–230.
15. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. Москва: Прогресс, 1985. С. 306–318.
16. Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem // Contributions to Comparative Mythology. Vol. VII. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1985. P. 113–121.
17. Drożdżowicz A. Speakers' Intuitive Judgements about Meaning –The Voice of Performance View // Review of Philosophy and Psychology, 2018, №9. – PP. 177–195.
18. Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. Metalanguage: social and ideological perspectives. The Hague: Walter de Gruyter, 2004. 324 p.
19. Niedzielski N.A., Preston D.R. Folk linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 375 p.
20. Preston D.R. The uses of folk linguistics // International Journal of Applied Linguistics. 1993. № 3. P. 181–259.
21. Wierzbicka A. Metatekst w tekście // O spójności tekstu. Wrocław, 1971. P. 105–121.
22. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne – Forum of Linguistics. 2017. № 4. P. 107–112.

PROPERTIES OF A NATURAL NON-SPECIALIZED METALANGUAGE

M. A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Rostov-on-the-Don

This paper presents the results of an analysis of the constitutive properties of a natural non-specialized metalanguage. Russian National Corpus resources were widely used in the course of the study, as well as linguistic material from the texts of works of fiction by modern Russian writers, selected by a continuous and directed sample. Six properties have been established that form the nature of metalanguage as a unique phenomenon of speech activity.

Keywords: *metalanguage, reflexivity, interpretativeness, syncretism, multifunctionality, discursivity, polymorphism.*

Об авторе:

КРАВЧЕНКО Михаил Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Ростов-на-Дону, площадь Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2), e-mail: mak@rgups.ru.

About the author:

KRAVCHENKO Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Mass Communications and Applied Linguistics, Rostov State Transport University (344038, Rostov-on-Don, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2), e-mail: mak@rgups.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.